«рокотать» сопровождаются ссылкой на Г. Ф. Квитку-Основьяненка — «Грім так и рокотить»; в белорусском — «рокат» — «рокот», «ракатаць» — «рокотать». Древность образований в обоих последних языках может, однако, быть подвергнута сомнению, и вопрос о них требует обследования в говорах. Не из русского ли литературного языка XIX в. это слово проникло в тот и другой, как, по-видимому, к русскому влиянию восходит и чешск. rokotati?

Изменение «рокотать» на укр. «рокотати» могло быть делом словесной работы самого Квитки. В памятниках украинского языка, насколько знаю, это слово не встречается. В картотеке Института языковедения им. А. А. Потебни Академии наук УССР, правда, есть «XVII: 1606 „Рокотъ великій подъ Вислицею былъ противъ королеви", — Літ. льв. 236/264», но «рокотъ» в этом тексте походит на «ропот», контаминированное с р о к о ш «возмущение» (ср. пол. rokosz в последнем значении).

Итак, никаких надежных исторических свидетельств в пользу древнерусского «рокотати» с одним из возможных «поэтических» значений, помимо «Слова о полку Игореве», пока, кажется, нет. Это, впрочем, и не должно особенно удивлять, поскольку такое значение не могло достаточно часто заявлять о себе в подавляющем большинстве дошедших до нас текстов. Но нельзя также в «рокотаху» «Слова» видеть что-либо «подозрительное», хотя бы уже потому, что основа *«рокот»* известна и вне «Слова о полку Игореве», а различие значений у звукоподражательного слова не представляется редкостью.

2

«Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самаю опустоша в путины железны».

Слово «путины» в этом тексте не представляет трудности для понимания, и уже первые переводчики передали его близко к тому, как его следует понимать: «и сами они попались в опутины железные». Неверно передано в этом переводе было только слово «опустоша», явно представлявшее искажение первоначального «опуташа», т. е. «опутали». Судя по «Материалам» И. И. Срезневского, вне «Слова о полку Игореве» слово «путина» как будто не засвидетельствовано.

Дело, однако, не в самом этом слове, этимологически совершенно прозрачном и восходящем к обычному слову *путо*. Мне кажется, что форма, употребленная в «Слове о полку Игореве», проливает свет на один трудный вопрос истории русского языка — замену звуком *т* фонетического согласного *ч* в слове «паутина». Я не разделяю мнения А. И. Соболевского, высказанного им уже очень давно и неоднократно повторенного другими, будто «паутина» вместо старого «паучина» возникло под влиянием областного слова «паут» — «овод», слова, конечно, областного и далекого от него по значению, хотя в очень узкой диалектной области, и вытеснившего прежнее — *паук*.

Неясно мне замечание В. В. Виноградова,[3] будто и «паук» (ср. «паутина») является по своему происхождению областным словом: «паук» — одно из бесспорно древнейших славянских слов, определенно известных всем восточнославянским языкам и русскому языку почти в целом (хотя диалектно и встречаются замены его другими — вроде «тенетник»); иное дело — огласовка «паутина» вместо, а иногда параллельно со старой — *паучина*. Этой огласовкой, против старой, фонетической *паучина* (в па-

[3] В. В. Виноградов. Великий русский язык, 1945, стр. 78.